

“КАЮРЫ XXI ВЕКА” И ИНДИГЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

М.С. Михалев

Максим Сергеевич Михалев | <http://orcid.org/0000-0001-5695-6915> | maxmikhalev@yahoo.com | д. и. н., профессор Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия)

Ключевые слова

колонизация пространства, деколонизация, оленеводство, эвены, Приохотье, обмен знаниями

Аннотация

В статье процесс колонизации пространства рассматривается как обмен знаниями. Его ключевыми участниками являются коренные жители, вступающие в контакт с пришлым населением, в результате чего последнее получает исчерпывающие сведения о колонизируемой территории и берет ее под контроль, воспользовавшись своим техническим, военным и экономическим превосходством. На основе анализа истории и современного состояния дел в Приохотье показывается, что по мере того, как местные жители, прежде всего каюры и проводники, усваивают знания пришлого населения, им удается повернуть этот процесс вспять. Стратегией деколонизации с их стороны в этом случае становится либо большая вовлеченность коренного населения в систему управления, либо грамотные действия по отвлечению внимания властей. И то и другое может быть реализовано лишь благодаря достигнутому в ходе обмена знаниями пониманию особенностей системы государственного контроля.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00495]

Колонизация пространства как конкретный процесс и как абстрактная категория все чаще привлекает внимание отечественных и зарубежных антропологов. С одной стороны, им интересно заниматься этой темой в контексте социокультурного измерения транспортной инфраструктуры¹, с другой – предпринимаются попытки вывести понимание колонизации на уровень теоретических обобщений (Головнев 2015: 536–540). Несмотря на то что роль коренного населения иногда также подвергается осмыслению (Давыдов 2013, 2018), до сих пор, однако, не уделялось достаточного внимания пониманию того, что важнейшим механизмом и, в каком-то смысле, итогом и колонизации пространства, и параллельного ему процесса “приручения” его обитателей можно считать неравноценный обмен знаниями.

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Михалев М.С. “Каюры XXI века” и индигенные стратегии деколонизации пространства // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 125–142. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050093> EDN: YDTNUR

Mikhalev, M.S. 2023. “Kaiury XXI veka” i indigennye strategii dekolonizatsii prostranstva [The “21st-Century Kayurs” and Indigenous Strategies of the Decolonization of Land]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 125–142. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050093> EDN: YDTNUR

В результате часто упускается из виду тот факт, что до той поры, пока пришлое население не обладает четким представлением о географии колонизируемой территории, оно, несмотря на свое техническое, культурное и военное превосходство, не в состоянии установить здесь свой полный контроль и навязать свою волю. Выгоды от колонизации в этом случае редко превышают затраты на ее осуществление, в итоге новые территории остаются де-факто независимыми и неподконтрольными безотносительно того, что изображают на географических картах. Лишь когда благодаря содействию местных жителей в распоряжении пришельцев оказывается точная карта земли и ее недр, они, наконец, занимают преимущественное положение по отношению к коренному населению. Для этого чужакам достаточно соединить новое для них знание о колонизируемой местности с доступными только им передовыми технологиями освоения пространства и контроля над населением.

Как правило, это случается вслед за тем, как среди местных жителей находятя люди, охотнее других идущие на контакт и заинтересованные в налаживании связей за пределами своего локального сообщества. Иногда ими движет любопытство, иногда они становятся проводниками из потребности помочь незнакомым людям. Бывает и так, что мотивом служит желание персонального обогащения или личная обида. Если же добровольных проводников среди местных не находится, колонизаторы могут принудить их раскрыть секреты своей земли силой. Несмотря на то что в последнем случае эффект взаимодействия ниже, а вместо обмена знаниями происходит их экспроприация, сути дела это не меняет. Во всех вышеуказанных сценариях местное население, не имеющее возможности или неспособное использовать в своих интересах знания, приобретенные, в свою очередь, от пришельцев, проигрывает им в конкурентной борьбе, оказывается в подчиненном положении и постепенно деградирует. При этом случается и так, что пришлое население настолько хорошо усваивает знания и навыки местных жителей, что составляет им конкуренцию даже в традиционных для тех сферах деятельности (Михалев 2022: 155).

Жизни людей, которые волею судеб оказывались посредниками между наступающей цивилизацией и теряющим свои позиции аборигенным населением фронтальных зон, неоднократно становились объектом художественной рефлексии. Истории Дерсу Узала, проводника и друга В.К. Арсеньева (Арсеньев 2016), или, к примеру, Улукиткана, связавшего себя узами дружбы с геодезистом Г.А. Федосеевым (Федосеев 2017), хорошо известны. Во всех этих описаниях, однако, присутствует излишняя романтизация контактов пришлого и аборигенного населения, а также вера в их благотворность. Возможно, это связано с тем, что составлялись они теми, кто собственной деятельностью способствовал колонизации пространства – самими представителями цивилизации. В дополнение к этой, довольно широко представленной позиции в данной статье предпринимается попытка приблизиться к лишенному подобных личностных коннотаций пониманию колонизации как процесса именно неравноценного обмена знаниями, приводящего к трансформации и самой территории, и образа жизни и культуры населяющих ее народов. При этом показывается, что не только сам этот обмен, но и импульсы, которые он порождает, могут быть не просто неравноценными, но и обоюдонаправленными, меняющими не только колонизируемую сторону, но и колонизирующую.

Каюры Охотского края

Охотский район Хабаровского края редко попадает в поле зрения этнологов и антропологов², несмотря на то что здесь проживает 1347 представителей

коренных малочисленных народов Дальнего Востока, или почти четверть населения района (6106 человек)³. При этом интенсивное промышленное освоение этого горно-таежного края, богатого природными ресурсами, а также смещение демографического баланса в самом Охотске, который приобретает все более отчетливый национальный колорит⁴, придает проблеме взаимодействия традиционной культуры и так наз. цивилизации дополнительную остроту и комплексность.

В настоящее время Охотский район фактически представляет собой “остров”. Административно входящий в состав Хабаровского края, он связан с краевым центром лишь воздушным транспортом, надежность которого очень низка. Рейсы в находящиеся ближе к Охотску Якутск и Магадан больше не осуществляются. Нет у охотчан связи ни с другими районами Хабаровского края, включая соседний Аяно-Майский, ни с отдаленными поселениями внутри самого района. Дорожная сеть фрагментарна и ограничивается окрестностями поселка и районами интенсивной добычи полезных ископаемых. Но так было не всегда.

В 1639 г. русские первопроходцы впервые вышли к берегам Тихого океана именно в районе Охотска. После этого здесь долго находился центр освоения новых дальневосточных рубежей Российской государственности. Отсюда русские корабли уходили исследовать берега Чукотки и Камчатки, здесь снаряжались экспедиции в Японию и Русскую Америку. Из Охотска отправлялись в дальний путь В. Беринг, С.П. Крашенинников и Г.И. Шелихов (*Цеханская* 1989). В связи с особой значимостью этого форпоста на востоке страны он стал одним из первых населенных пунктов на побережье Тихого океана, связанных с Большой землей круглогодичной дорогой. Якутско-Охотский тракт исправно функционировал с 1730-х годов вплоть до середины XIX в., пока в 1849 г. по нему не совершил путешествие тогдашний генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. Пораженный трудностями пути, он предложил перенести базу военной флотилии в Петропавловский порт, а в качестве основного порта для обслуживания интересов Российско-Американской компании избрать пос. Аян (*Казарян* 2006: 55).

Наследие этого периода до сих пор ощущается. Коренное население современного Охотского района представлено в основном эвенями. Одна их группа концентрируется в отдаленной восточной части района, у р. Иня, и занимается в основном рыболовством, вторая же населяет внутренние горно-таежные территории, где традиционным занятием эвенов издавна являлось транспортное оленеводство. Подобная специализация была вызвана тем, что именно по этой территории проходили “магистральные” вьючные тропы, а затем были проложены те самые почтовые тракты, что связывали тихоокеанское побережье Российского государства с внутренними регионами. Признанным центром эвенов-оленьеводов, занимавшихся таежным извозом, было с. Арка, расположенное в 100 км к северо-западу от Охотска. Интересно, что две вышеупомянутые группы эвенов различаются и по антропологическому типу, и по складу характера, и даже по особенностям поведения (ПМА 2: Задорожный). Утверждают, что это связано с тем, что в Арке, где всегда пересекались дороги, ведущие на северо-восток и на восток Якутии, оказалось много якутов (*Лебедева* 1971: 104; *Дьяченко, Ермолова* 1984), в то время как на побережье Охотского моря эвенское население оставалось более гомогенным.

В XVIII–XIX вв. основные тяготы по оказанию транспортно-экспедиционных услуг для многочисленных путешественников, купцов, чиновников по особым поручениям и членов научных экспедиций, направлявшихся к тихоокеанским берегам страны и на американский континент, несли на себе коренные

жители этих мест. Наличие оленей и собак, навыки перемещения по тайге и тундре, превосходное знание местности и неприхотливость в быту – все это позволяло привлекать их и к перевозке грузов, и для нужд почтовой службы, и в качестве сопровождающих при инспектировании отдаленных территорий. Безымянные “извозчики” обширных, малонаселенных пространств, обеспечивавшие связанность Российского государства на самых отдаленных его рубежах, стали главными агентами перемен для своих сообществ. Общаясь с немногочисленными представителями чужаков и перенимая у них знания и навыки, которых не было в Приохотье, они способствовали одновременно и дальнейшему развитию коренных жителей, и их последующей деградации. “Каюры были не просто хорошими проводниками по пути из одного места в другое и прекрасными знатоками территории, но также служили медиаторами в отношениях между местным населением, с одной стороны, и промышленниками, а также представителями государства – с другой” (Давыдов 2013: 267).

Каюрская повинность, которой были тогда обложены эвены, увеличивала и без того непосильный податный гнет. Лишь иногда услуги каюров шли в счет ясака и, таким образом, несколько смягчали общее налоговое бремя (Федорова и др. 1984: 209). В этих условиях отношения местных и пришлых не всегда были гладкими. Так, в сочинении капитана флота Сарычева указывается, что, несмотря на то что проводники из Арки оказали членам его отряда неоценимую помощь, исследователи в конце концов оказались в затруднительном положении, так как тунгусы самовольно оставили лагерь и вернулись к себе домой (Сарычев 2017: 64–65). Можно сделать вывод, что взаимодействие могло складываться в интересах как местных жителей, так и пришлого населения. Это прежде всего зависело от личных качеств участников межцивилизационных контактов, а также от конкретных обстоятельств сотрудничества.

Можно констатировать, что и в те далекие годы обмен знаниями, хотя и оставался обычно неравноценным, все-таки был двусторонним и потому при определенных условиях мог становиться взаимовыгодным. Отдельные представители коренного населения научились извлекать из контактов с пришлыми материальную выгоду. К примеру, “открытие новых месторождений создавало новые возможности заработка для эвенков. Появление новых дорог и необходимость увеличения грузооборота требовали увеличения стад” (Давыдов 2013: 270). В Охотске нами было записано фамильное предание эвенкийки Т.С. Трофимовой о том, как ее дед Архип Якимов, работавший каюром на Российско-Американскую компанию, сколотил себе состояние, занимаясь транспортировкой чая, ситца и муки (ПМА 1: Трофимова). Несмотря на то что в самой компании ему платили не так много, он мог брать с коммерческим грузом принадлежащую ему лично пушнину, при этом часть чая он также оставлял себе и затем продавал. По свидетельствам исследователей, в соседнем Аяно-Майском районе на коммерческих перевозках использовалось до 88% от имевшихся у эвенков взрослых оленей, при этом совокупный доход от перевозки чая составлял тогда более 80% заработков коренного населения (Пекарский, Цветков 1913: 21).

Выгодность извоза привела к тому, что некоторые представители русского населения также занялись каюрским ремеслом и достигли в нем больших успехов, чем местные жители, которым иногда было сложнее найти общий язык с заказчиками. В той же Арке и сейчас сохраняется память о Степане Иннокентьевиче Расторгуеве, камчатском казаке, чья судьба оказалась тесно связанной с Охотским краем, в селе до сих пор проживают его воспитанники (Афанасьева 2001). Уже в юности освоивший языки коренных жителей региона, он смог в совершенстве овладеть и мастерством каюра. Благодаря своему происхождению, позволявшему ему лучше понимать и удовлетворять запросы европейских

путешественников, он стал участником многих научных экспедиций конца XIX в. Так, в 1890 г. Расторгуеву привелось сопровождать энтомолога А.-О.Ф. Герца в его путешествии на Камчатку, а двумя годами позже на Колыме знаменитый полярный исследователь И.Д. Черский фактически умер у него на руках. Внес охотский каюр свой вклад и в организацию экспедиции норвежского путешественника Ф. Нансена: в 1893 г. Расторгуев вместе с Э.В. Толлем устраивал для него продовольственный склад. Столь активное сотрудничество с известными учеными и путешественниками того времени позволило представителю Охотского края побывать в Иркутске, Киеве, на Кольском п-ве и в других частях Российской империи и таким образом вывести двусторонний обмен знаниями на новый уровень.

Раскол в обществе, спровоцированный Гражданской войной, оставил серьезный след и в Приохотье. Здесь, вдалеке от крупных административных центров, противостояние оказалось не только самым продолжительным, но еще и лично окрашенным. Итог его решали поединки отдельных командиров, а не сражения войсковых подразделений. Столкновения И.Я. Строда и А.Н. Пепеляева и бой, в ходе которого в 1923 г. А.Н. Пепеляев был пленен С.С. Вострецовым, часто называют последними сражениями Гражданской войны, однако в действительности сопротивление новому порядку в регионе продолжалось и после этих событий. Так, уже в следующем 1924 г. в Аяне вспыхнуло очередное восстание, в результате чего ненадолго была провозглашена автономия тунгусов (Ковлеков 2005), а с сопротивлением в Чумикане и вовсе было покончено лишь в 1931 г. (Северянин рассказал... 2018).

Коренное население края не могло оставаться в стороне от этих драматических событий, а специфические знания проводников и ресурсы каюров оказались одинаково востребованы и красными, и белыми. Принуждая и убеждая коренных жителей Приохотья вставать на свою сторону, их невольно просвещали и образовывали, посвящая в проекты построения будущего. Таким образом, обмен знаниями вновь оказывался двусторонним, при этом у жителей далекой периферии в его результате постепенно формировалось собственное понимание механизмов функционирования социальных институтов и появлялись зачатки представлений о причинах и характере общественных процессов.

Литература советского периода убеждала в том, что подавляющее большинство коренных жителей отдаленных регионов страны с радостью приняло советскую власть, и это во многом способствовало окончательному поражению белых (Флеров 1959: 145–162). Действительно, часть каюров и проводников встали на сторону красных, при этом некоторые из них, что интересно, даже смогли извлечь из этой ситуации личную выгоду (Михалев 2022: 154). Другие же, как уже упомянутый каюр Архип Якимов, еще долго металась между красными и белыми, не понимая сути происходящих процессов (ПМА 1: Трофимова). Воспоминания потомков непосредственных участников тех событий, собранные нами в современной Арке, говорят о том, что среди местных звенов белые были более популярны. Напуганные такими шагами новой власти, как обобществление оленей и вновь введенная каюрская повинность (Тураев 2018: 59), многие аркинцы отнеслись к отряду белого генерала Ракитина с симпатией и предоставили ему своих личных оленей для транспортировки грузов и живой силы. Как утверждают информанты, своим отношением к простым людям белогвардейцы произвели на местных жителей более благоприятное впечатление, чем их оппоненты, но в советское время говорить об этом было, конечно же, не принято (ПМА 2: Слепцова). Не принято, кстати, не только по причине цензуры, но еще и потому, что, пережив первоначальный шок, связанный со сменой общественного строя и жизненного уклада, коренные народы Дальнего Востока

вскоре смогли убедиться в том, что новая хозяйственная модель несет в себе и очевидные преимущества. Более того, можно утверждать, что транспортное оленеводство, получившее первый сильный импульс к развитию в Приохотье на рубеже XIX–XX вв. в связи с активной деятельностью Российско-Американской компании и ставшее заложником политической смуты, вскоре после ее окончания в 1930-е годы обрело новое дыхание.

С одной стороны, с началом коллективизации и созданием первых колхозов эвены могли заработать что-то лично для себя, только подрабатывая извозом, – при осуществлении грузоперевозок им полагалось до 75% от полученного дохода (*Титорева* 2015: 205). С другой – рост транспортного оленеводства был связан с масштабной деятельностью государства по освоению окраинных районов. Резко увеличилось число экспедиций, на регулярной основе направлявшихся в отдаленные регионы Советского Союза и щедро финансировавшихся из государственного бюджета. Одной из первых и при этом самой заметной стала Аянско-Охотская землеустроительная экспедиция 1935–1936 гг., неоценимую помощь которой оказали как раз местные проводники-каюры. “Проводники, а также пастухи-олeneводы и охотники помогли определить границы ягельников и охотничьих угодий, указали наиболее удобные перевалы через водоразделы между реками района” (*Перминов* 2001).

Начиная с 1940-х годов каждой весной в тайгу прибывали крупные отряды топографов, геологов и геодезистов, которые, как правило, оставались в поле до середины осени. Им требовалось перебрасывать в отдаленные, лишенные дорожной сети районы специальное оборудование, снаряжение и продукты питания, а в ходе полевого сезона было необходимо пополнять запасы продовольствия. Предполагалось, что возмещать недостаток продуктов можно будет с помощью охоты, рыбалки и собирательства – деятельности, которой испокон веков занималось коренное население. Кроме того, жителям крупных городов, даже тем, кто не понаслышке был знаком с трудностями жизни в тайге, требовались помощь и консультации местных жителей, к этой жизни привычных с детства и потому лучше к ней приспособленных. Наконец, и об этом также не стоит забывать, знание местными укромных уголков родного края помогало геологам в поиске новых месторождений, а для топографов и геодезистов содействие коренных жителей иногда оказывалось в прямом смысле слова спасительным.

Сотрудничество исследователей и коренного населения было устроено так, что приносило пользу и одной стороне, и другой. Колхозы Охотского побережья, к примеру, смогли поправить свое материальное положение: для многих из них выполнение работ, связанных с сопровождением экспедиций, превратилось в весьма существенный, хотя и чисто сезонный, источник дохода. Экспедициям требовались как собственно олени, так и рабочая сила, способная их обслуживать, – каюры. Последние обычно вербовались на целый сезон и также могли получить доход, значительно превышающий их обычный заработок. Заброска груза, как правило, производилась в начале полевого сезона с помощью вертолета, после чего, по согласованию с колхозным начальством, эвены получали индивидуальные задания от руководителя экспедиции и занимались дальнейшей транспортировкой оборудования и продовольствия, таким образом обеспечивая и связность отдельных отрядов экспедиции, и их снабжение необходимыми грузами.

Известный дальневосточный этнограф В.А. Тураев в монографии, посвященной этнокультурным и этносоциальным процессам у дальневосточных эвенков в XX в., утверждает, что практика сдачи оленей в аренду экспедициям была финансово выгодной для колхозного руководства, однако стала настоя-

щим бедствием для оленеводов: “До половины оленей из экспедиций в колхоз не возвращалось, другая половина приходила до крайности истощенной и, как правило, гибла” (Тураев 2008: 42). Наши информанты в Охотском районе, однако, в подавляющем большинстве утверждают обратное. В их несколько идеализированном представлении именно советский период стал “золотым веком” оленеводческой отрасли края: поголовье достигло своих максимальных значений; успешно функционировала ветеринарная служба; работа оленевода или каюра считалась престижной и при этом хорошо оплачивалась; бытовые проблемы колхозников брала на себя администрация (ПМА 1, 2: Алексеев). Эти слова подтверждают и материалы по истории колхозного строительства в крае (Туморева 2017: 69–71).

На самом деле и та и другая позиции имеют равное право на существование. С одной стороны, учитывая ситуацию, сложившуюся в оленеводческой отрасли района после демонтажа советской системы, можно понять и принять ностальгические нотки в рассуждениях о прошлом современных жителей. С другой стороны, перегибы, вызванные желанием администраций колхозов и отдельных каюров достичь максимальной прибыли любой ценой, действительно оказали негативное влияние и на состояние поголовья, и на экологическую ситуацию.

Кроме того, – и это очень важно – в ходе интенсивного освоения края активизировались контакты коренного населения региона и многочисленных приезжих и произошел невиданный до того времени культурный обмен между представителями развитой промышленной цивилизации и все еще практикующими традиционный образ жизни эвенями. Обмен этот оставил неизгладимый след в культурном и социальном ландшафте края, а отдаленные последствия этого процесса еще предстоит оценить. Главной особенностью обмена, наряду с взаимным уважением, стала взаимная заинтересованность, что постоянно подчеркивают и представители коренного населения, и работавшие в то время в Охотском крае посланцы других регионов страны. Заинтересованность эта заключалась как в обмене даров природы (в основном продуктов охоты и рыболовства) на дары городской цивилизации (дефицитные товары, в том числе продукты, предметы быта, городская одежда и обувь), так и в обмене знаниями. Прирожденные таежники учили приезжих чувствовать и понимать тайгу и раскрывали им секреты троп и недр своего края. Со своей стороны, геологи, топографы и геодезисты, среди которых было много людей с высшим образованием, делились с местными жителями секретами мастерства в своей предметной области, общими гуманитарными и техническими знаниями и наблюдениями из жизни населения других регионов страны. Отдельного упоминания заслуживают воспоминания многих информантов о том, что члены экспедиций привозили с собой книги и журналы и делились ими, и это особенно ценилось жителями отдаленных регионов (ПМА 1: Трофимова).

В результате контактов между людьми завязывались долгосрочные связи, многие из которых поддерживаются до настоящего времени. Столь плотное общение не просто принесло населению окраин страны новые знания об окружающем их большом мире, но и определило жизненный выбор как многих коренных жителей, так и их детей. К примеру, Семен Архипович, сын каюра Архипа Якимова, стал связистом на телеграфной линии, а его дочь, наша информантка Т.С. Трофимова, по совету русских друзей-геологов уехала в Ленинград и окончила там педагогический университет (Там же). Другой информант, Степан Алексеевич Алексеев, эвен из с. Арка, вдохновленный историями про геологов, решил избрать эту профессию и отправился поступать в Магадан. Несмотря на то что судьба его сложилась не так, как он изначально планировал, стремление к книжному знанию прошло через всю его жизнь, и он до сих пор удачно со-

четаает в себе тонкое понимание таежной специфики с широкой осведомленностью о ситуации в стране и в мире (ПМА 2: Алексеев).

Тесное взаимодействие промышленников и членов научных экспедиций, с одной стороны, и местного населения – с другой, прекратилось вскоре после распада СССР, сопровождавшегося крахом плановой экономики, разрывом хозяйственных связей и сворачиванием государственных программ развития Дальнего Востока. Было урезано или вовсе прекращено финансирование научных исследований, нарушены производственные и сбытовые цепочки, на смену коллективной собственности и крупным стадам оленей пришли мелкие, разрозненные личные хозяйства. Колхоз в Арке был преобразован в товарищество с ограниченной ответственностью, а его бывшие члены получили, иногда в счет погашения задолженности по заработной плате, каждый всего по несколько десятков оленей (Титорева 2017: 71). Ожидалось, что самостоятельность и заинтересованность в конечном результате повысят производительность труда и оживят хозяйственную ситуацию, однако произошло прямо противоположное.

Оказалось, что десятилетия политики патернализма лишили коренные народы Дальнего Востока чувства ответственности за свою судьбу. Эвены Арки, оставшиеся один на один со своими проблемами и возможностями, очень быстро привели оленеводческую отрасль родного края к краху. В погоне за иностранной валютой они пустились в сомнительные авантюры, предпочитая тяжелой работе быстрые деньги от продажи пантов. Приохотскую тайгу в те годы наводнили голландские, американские и японские дельцы, которые, конечно же, не были заинтересованы в долгосрочном развитии района. Олени, оказавшиеся в частных руках, продавались за бесценок, шли на убой или попросту выменивались на алкоголь, а на вырученные от их продажи средства жители села закупали импортную технику для личных нужд. В Арку в те годы даже доставили два мотодельтаплана, которые довольно быстро вышли из строя. В 1997 г. товарищество было признано банкротом, но к тому времени ни о каком транспортном оленеводстве речь уже не шла (Там же).

Не лучше обстояли дела и у потенциальных заказчиков транспортных услуг оленеводов. Планомерная, целенаправленная, масштабная работа по разведке и эксплуатации недр района была практически свернута, а добывающая отрасль отдана на откуп коммерческим структурам. Основной целью новых собственников стало стремительное обогащение, по причине чего они не желали, да и не могли по-настоящему инвестировать в будущее отрасли. Научные экспедиции практически прекратились, была нарушена система северного завоза, в функционировании которой транспортное оленеводство играло немаловажную роль. В этих условиях спрос на услуги каюров резко снизился, и если еще в 1988 г. в газете “Охотско-эвенская правда” можно было встретить оптимистическую заметку с заголовком “Каюр – это профессия” (Каюр 1988), то всего три десятилетия спустя даже возрастные жители Арки приходят в изумление, услышав слово “каюр”. Они искренне убеждены, что каюры исчезли задолго до распада СССР – таковы особенности исторической памяти.

В результате сегодня разговор о возрождении транспортного оленеводства вызывает лишь недоумение, причем как у простых эвенов, так и у представителей власти или бизнеса. Тем не менее фактическое исчезновение этой отрасли хозяйства не является исторической неизбежностью и уж тем более не может считаться признаком достигнутого прогресса. Скорее следует говорить о системной деградации социально-экономического комплекса региона. Несмотря на значительное улучшение ситуации в золотодобыче, систематической разведывательной работы сейчас практически не ведется, государство отдало все в руки частных компаний, причем зачастую с преобладающей долей иностран-

ного капитала, и те проявляют заинтересованность лишь в эксплуатации уже известных месторождений. Как итог, предприятия не занимаются выстраиванием долгосрочных, истинно партнерских отношений с коренным населением. Взаимопомощь и взаимовыгодный обмен знаниями, которыми характеризовалось взаимодействие эвенов-оленовдов и геологов в советскую эпоху, в этой ситуации неизбежно трансформируется в симбиотическую зависимость, лишь маскирующую взаимное недоверие. Коренное население в наши дни занимает откровенно изживденческую позицию, требуя для себя постоянных побряжек и субсидий. Представители же добывающих компаний смотрят на местных жителей свысока, предпочитая показательные мероприятия “для галочки” налаживанию равноправного диалога. Вся активность бизнеса продиктована стремлением повысить капитализацию компаний за счет позиционирования их как социально ответственных предприятий. О том, чтобы найти применение знаниям коренных жителей о родной земле или способствовать развитию у них новых компетенций, речь не идет. В лучшем случае эвенов нанимают на неквалифицированную работу, да и то лишь потому, что компании с высокой долей иностранного капитала вынуждены руководствоваться пожеланиями крупных акционеров из-за рубежа⁵.

На самом деле, проблема не только в ориентации крупных промышленных предприятий на сиюминутную прибыль, что абсолютно естественно в условиях рыночной экономики, но и в состоянии дел у самих эвенов. Десятилетия государственного патернализма, годы бесхозяйственности и рвачества, наступившие после крушения плановой экономики, привели к утрате оленьего поголовья и к забвению навыков транспортного оленеводства, поэтому в настоящее время местным попросту нечего предложить на рынке транспортных услуг. Даже если в ситуации “нового бездорожья” в регионе вновь возникнет спрос на гужевые перевозки, современные эвены, к большому сожалению, просто не смогут его удовлетворить, поскольку давно утратили необходимые компетенции.

Как это ни странно, говорить о том, что транспортное оленеводство и услуги проводников в этих условиях полностью бесперспективны, тоже нельзя. Они востребованы и сегодня, однако в основном в сфере теневой экономики, и потому о тех эвенах, кто продолжает “каюрить”, в разговорах предпочитают не упоминать. Само это слово приобрело сильную негативную коннотацию и означает теперь “жить вне общества”, предпочитая свободную от условностей кочевое существование в тайге прелестям и искушениям цивилизации. Между “прирученным” государством и крупным бизнесом населением национальных сел и теми, кто, несмотря ни на что, “каюрит”, вырастает стена непонимания и взаимного отчуждения. Самое интересное, что точно такая же стена существует и между крупными промышленными компаниями, работающими в регионе, и “черными геологами”, ведущими поиск и разработку месторождений полезных ископаемых полулегально или вовсе за рамками закона. То, что две вытесненные из официального дискурса силы (незаконные геологи и “каюрящие” эвены) довольно легко находят общий язык – важнейший момент, требующий дальнейшего изучения и осмысления. “Узбекские геологи”, как их еще иногда называют, с удовольствием нанимают на работу “таежных эвенов”. Одни делаются, как и их предки в прошлом, своим знанием тайги, другие готовы за это платить, ибо у них самих нет доступа к официальным данным.

В этой связи можно констатировать, что традиционный, взаимовыгодный обмен знаниями между местным и пришлым населением в наши дни обретает актуальность в том секторе экономики и в той сфере общественных отношений, которые остаются неподконтрольными официальным властям и на существование которых власти предпочитают закрывать глаза. Поскольку в этой ситуации

обмен знаниями уходит “в подполье”, он с неизбежностью приобретает черты негативной маргинальности, что, в свою очередь, приводит к его постепенной криминализации. Коренное население в результате не приобретает новых полезных компетенций и фактически не развивается, как это было в ходе взаимовыгодного сотрудничества геологов и каюров в советское время, но при этом и не богатеет, как это было в начале прошлого века, когда в регионе работала Российско-Американская компания.

Стратегии вовлеченности и отстраненности

Интересно, что именно в этих условиях в Приохотье рождаются лидеры нового типа, которые, стремясь приспособить к новым реалиям традиционные занятия эвенов, в том числе транспортное оленеводство, выбирают принципиально разные стратегии выживания и развития. Одни, усвоив специфические знания и получив ресурсы в условиях неформальной экономики, стараются легитимировать свое положение и, пользуясь наработанными связями и заработанными средствами, дополнить, а при удачном стечении обстоятельств и вовсе подменить собой государство. Другие же стремятся выйти из-под контроля государства и, оказавшись в относительной изоляции, сохранить и традиционный образ жизни, и свою социальную и культурную автономность. Тех и других, впрочем, с одинаковым основанием можно, по аналогии с известным фильмом, назвать “каюрами XXI века”, адаптирующими культуру своего народа и таким образом сохраняющими ее для будущего.

Имя Сергея Георгиевича Михайлова хорошо известно и в Арке, и в районном центре. Представитель нового поколения предпринимателей, он является движущей силой социального и экономического развития родного села. Якут по отцу, эвен по матери, он, как утверждают односельчане, унаследовал от деда и прадеда организаторскую жилку и обладает даром вести людей за собой. Приватизация и хаос 90-х годов прошлого века задели его лишь по касательной. Михайлов стал серьезно заниматься бизнесом позднее, когда товарищество уже было признано банкротом, а на смену старым моделям и хозяйственным связям еще не пришли новые. Их нужно было создавать с нуля, и именно здесь пригодился его талант организатора. Михайлов в разговорах возлагает вину за бедственное положение родного села на пьянство и необязательность самих эвенов, не забывая при этом упомянуть, что в основе иждивенческих настроений, которые негативно сказались на жителях Арки, лежит непродуманная политика государства (ПМА 2: Михайлов). Сам Михайлов давно сделал жизненный выбор: он предпочел взять на себя ответственность за свою судьбу и всегда рассчитывал лишь на собственные силы, на навыки и знания своих предков. Жесткий, вплоть до жестокости, бескомпромиссный и целеустремленный, он смог внушить доверие односельчанам, хотя, как сейчас признается он сам, это было не так легко.

Важнейшим компонентом его успеха стала организация тех же транспортных перевозок, которые в свое время обеспечивали неплохой доход его предкам. Потребность в таких услугах с каждым годом лишь растет, а расположение Арки на пересечении ключевых таежных магистралей предоставляет предпринимателю многочисленные возможности. Прибрежный Охотск и в наши дни снабжается и по земле, по крайней мере в зимнее время. Грузов летнего завоза не хватает на целый год, а доставка продуктов питания и товаров хозяйственного назначения по воздуху слишком дорога. В этой ситуации Михайлов, который своими силами прокладывает зимник от Арки до населенного пункта Югоренок в Якутии, оказывается “палочкой-выручалочкой” как для охотских

предпринимателей в сфере розничной торговли, которым он несколько раз за сезон доставляет с “материка” продукты, так и для отдельных жителей поселка, которые с его помощью могут заказывать себе доставку необходимых товаров из любой точки страны.

Несмотря на то что осуществлять транспортные перевозки таким образом можно только в зимний период и что поездки сопряжены с существенным риском, услуги, которые оказывает Михайлов, не просто востребованы, но и приносят ему неплохой доход, который позволяет успешно развивать бизнес. В его распоряжении есть ныне и вездеход, и несколько “Уралов”, и целый парк снегоходов и моторных лодок. Нет только – и это одновременно и грустно, и иронично – тех самых оленей, которые когда-то составляли основу транспортной отрасли Охотского края, но оказались не слишком пригодными для работы в новых социальных и экономических условиях. “Капризные они, медленные, разбегутся – не поймашь, да и грузоподъемность невысока”, – объясняет Сергей Георгиевич отсутствие гужевого транспорта. Добавляет, впрочем: “Вообще-то, это скорее с оленеводами у нас проблема. Не умеют и не хотят работать, много пьют и вообще безобразничают” (ПМА 2: Михайлов).

Думается, столь негативная оценка с его стороны все-таки излишне резка, однако в какой-то степени она отражает объективную реальность. Несмотря на то что местному предпринимателю удалось удовлетворить спрос на транспортные услуги и таким образом воссоздать в новой форме традиционный каюрский промысел, возрождение именно оленеводства в Охотском крае до сих пор представляется затруднительным и в какой-то мере нереалистичным из-за неготовности к этому самих эвенгов. Не без зависти рассказывая о ситуации в соседней Якутии, где поголовье оленей все последние годы остается достаточно стабильным, на деле коренные жители Приохотья не готовы возвратиться в тайгу, пока у них есть возможность существовать за счет государственных субсидий и той небольшой помощи, которую оказывает компания “Полиметалл”.

Характерно, что, воссоздавая каюрский промысел в новом виде, Михайлов обслуживает не только частных лиц или индивидуальных предпринимателей. Он не чурается также сотрудничества с государством, предоставляя в рамках государственно-частного партнерства транспортные услуги и местной администрации. В чем-то это напоминает практики каюрской повинности и 20-х годов прошлого столетия. Есть, однако, и принципиальная разница: в наше время добровольный извоз оказывается для местного населения выгодным. Более того, он позволяет “новым каюрам”, при наличии у них далеко идущих амбиций, претендовать на вовлечение в административную деятельность. Тот же Михайлов, который в прошлом занимал в Арке должность главы сельской администрации, вынашивает планы карьеры в администрации района, и, учитывая его твердый характер, обширные связи и материальное положение, можно не сомневаться, что шансы добиться нужного результата у него есть. Это может означать также и то, что обмен знаниями между пришлым и коренным населением, в конце концов, может привести к тому, что коренные жители через своих представителей смогут вернуть себе контроль над своей землей, “потеряв” при этом традиционный образ жизни так же, как в 90-е годы прошлого века они потеряли своих оленей. Стоит ли политический успех культурной потери? – вопрос открытый.

Но есть и иная перспектива взаимодействия коренного населения с государством, о чем свидетельствует история еще одного местного лидера Охотского района Андрея Иннокентьевича Громова из с. Иня. Возглавлявший в 2005–2014 гг. ТСО коренных малочисленных народов Севера “Виточан”, он ныне руководит небольшой бригадой из 12 оленеводов, которые всем благам цивилизации предпочитают свободную от административного контроля жизнь в тайге. Все

попытки местных властей оказать им посильное содействие они корректно, но при этом настойчиво отвергают. Любая помощь означает закрепощение, уверен Громов, который при этом вовсе не избегает контактов с внешним миром. Однако, и это сразу бросается в глаза, в ходе этих контактов он выступает не в качестве просителя, а скорее в качестве дарителя, тем самым демонстрируя, что его родной народ самодостаточен и способен удовлетворить свои потребности без посторонней помощи. Отдельного внимания заслуживают те приемы, которые Громов использует для того, что сохранить в новых исторических условиях свою автономность и независимость. “Мы не используем тех географических названий, которые дали нашим рекам и сопкам русские картографы, мы предпочитаем эвенкийские топонимы и гидронимы, – заявляет, к примеру, Андрей Иннокентьевич. – Пока у нас в ходу наши собственные названия, земля также остается нашей”, – поясняет он роль родного языка и дает свой собственный рецепт того, как быть неподвластным (ПМА 2: Громов). Эвены под началом Громова постоянно совершают перекочевки в труднодоступном пространстве на границе трех соседних регионов – Хабаровского края, Якутии и Магаданской области. Это не позволяет местным властям полностью контролировать перемещения членов бригады и учитывать численность поголовья, а стало быть, и влиять на их образ жизни, облагая налогами или навязывая какие-либо требования или нормативы. С бытовой точки зрения оленеводы также оказываются независимыми, так как все еще передвигаются по тайге по старинке, верхом на оленях, ориентируются по рекам, небесным светилам и объектам природы, самостоятельно делают нарты и лыжи, шьют себе сами одежду и спальные мешки, питаются в том числе продуктами охоты и собирательства.

Эта старательно оббегаемая отстраненность по сути не демонстративна и потому не привлекает к себе излишнего внимания. На самом деле Андрей Громов постоянно поддерживает контакты с административными органами от лица общины. Цели у него при этом совсем иные, чем у того же Сергея Михайлова. Громов не стремится стать частью системы управления или подменить ее собой, его задача – использовать добываемое в ходе таких контактов знание о большом мире, чтобы гарантировать невмешательство этого мира в дела его малого народа, обеспечивая тому возможность жить в тайге по своему усмотрению и по заветам предков и дальше.

Важнейшим механизмом, позволяющим Громову достигать автономности и экономической самостоятельности, используя для этого ресурсы внешнего мира, но не оказываясь при этом у него в зависимости, остается тот же самый каюровский промысел, который он, однако, использует исключительно для внутреннего пользования. С одной стороны, этот инский эвен заключает договоры с коммерческими структурами из Охотска на доставку товаров до границ своей территории (Петров 2010), с другой же – самостоятельно, как и Сергей Михайлов, осуществляет межрегиональные перевозки, достигая в ходе перекочевок на своих оленях крупных поселений на Колымской трассе, расположенных в Магаданской области и Якутии.

Оба неформальных лидера своего народа отлично понимают, как “работает” внешний мир, поскольку хорошо усвоили знания о нем и используют их для развития собственных сообществ. Другими словами, ведут они себя так же, как это делали русские первопроходцы или те же геологи в прошлом, которые, раскрывая при помощи местных жителей секреты их родной земли, использовали полученные знания для ее дальнейшей эксплуатации. При этом местные лидеры выбирают разные стратегии. Михайлов стремится сделать самодостаточность базой для проникновения коренного населения в систему государственного управления и таким образом обеспечить эвенам политическое и экономическое

присутствие. Громов же использует контакты с внешним миром и знание о нем для того, чтобы дать своему народу шанс избежать разрушительного чуждого влияния и сохранить за собой свою землю и традиционный уклад жизни. Вопрос лишь в том, кого из них поддержат в этой ситуации сами эвены и смогут ли они это сделать в принципе.

Дорога с двусторонним движением

Колонизация пространства достигается через обмен знаниями между коренным и пришлым населением. На первом этапе колонизирующие оказываются в выигрышном положении и преуспевают благодаря тому, что в их распоряжении находятся значительные финансовые, военные, технические и организационные ресурсы, недоступные местным жителям. У последних к тому же отсутствует четкое понимание опасности предоставления в распоряжение чужаков сведений о своей родной земле. В результате они иногда по наивности, иногда из корыстных побуждений, иногда по принуждению раскрывают информацию об особенностях физической и сакральной географии своего края, что позволяет пришлому населению взять территорию под свой контроль. В конечном итоге отдельные чужаки достигают такого уровня понимания местных реалий, что начинают превосходить в этом аспекте коренное население, после чего потребность в обмене знаниями исчезает.

Именно так развивалась ситуация и в Приохотье. В результате дрейфа компетенций и местные власти, в прошлом пользовавшиеся услугами проводников и каюров, и русские охотники, овладевшие секретами троп и навыками жизни в тайге, и промышленники, получившие знания о недрах региона, в конце концов утратили необходимость в поддержании тесных контактов с коренным населением. Жители же края получили взамен лишь зависимость от государства и от тех бытовых удобств, которыми оно привлекло их на свою сторону. Потеряв свои преимущества, обусловленные лучшим знанием родной земли, они перестали быть ее полноправными хозяевами. Именно в этой проигранной войне компетенций истоки нынешнего бедственного положения коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, в том числе эвенков и эвенов. Приобретая в ходе колонизации их исконной территории проживания достаточно многое в материальном плане, они перешли в разряд иждивенцев, которым государство просто “позволяет” здесь оставаться.

Ситуация может измениться. И иногда она действительно начинает меняться к лучшему после того, как в среде коренных жителей появляются лидеры, усвоившие те уникальные знания и навыки, которыми обладало пришедшее население, и понимающие, какие преимущества они могут им дать. Появление новых лидеров дарит осязаемую надежду коренному населению на сохранение или хотя бы частичное возвращение контроля над собственной территорией. Но для этого пришедшая культура должна потерять свой первоначальный импульс, что позволило бы местным жителям перехватить инициативу. Будущее в этом случае окажется за теми представителями коренного населения, кто, овладев достижениями более развитой культуры, не утратит присущих им традиционных компетенций.

Если принять, что это действительно происходит, можно говорить о двух различных стратегиях использования возможностей для развития местных сообществ: вовлечение и отстраненность. В Охотском районе Хабаровского края их, соответственно, реализуют эвены Сергей Михайлов из с. Арка и Андрей Громов из с. Иня. Первая стратегия заключается в том, чтобы благодаря лучшему знанию местности и одновременному использованию передовых технических

средств и хозяйственных практик добиваться власти в рамках уже существующей политико-административной системы. Если представителям коренного населения удастся при этом сохранить базовые элементы своей культуры, такие как язык и самосознание, то это приведет к положительной трансформации традиционного образа жизни через его встраивание в современность. Вторая стратегия подразумевает использование знаний о достижениях пришлой культуры и информации об особенностях функционирования современной административной и политической систем для того, чтобы обеспечить коренному населению неуязвимость и избежать какого-либо контроля и эксплуатации со стороны государства. В качестве средства для достижения этой цели выбирается самоизоляция носителей традиционной культуры в труднодоступных районах. Стратегия оказывается эффективной именно благодаря знанию слабых мест системы контроля и хорошему знакомству с управленческими технологиями пришлого населения. Биография эвена Андрея Громова, который продолжает вести кочевой образ жизни на границе Хабаровского края, Якутии и Магаданской области, ограниченно взаимодействуя с государством, но сохраняя при этом относительную независимость и преодолевая искушения оседлого образа жизни, в этом контексте характерна и поучительна.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что ни та ни другая стратегия не является единственно верной. В зависимости от конкретной ситуации, от личных качеств и убеждений потенциальных местных лидеров берется на вооружение либо одна из них, либо обе одновременно в различных сочетаниях. Неизменным остается лишь то, что в результате неравноценный обмен знаниями, являющийся сутью и результатом любого процесса колонизации, может быть смещен в сторону интересов колонизируемых. Именно об этом, как представляется, говорит известный российский антрополог А.В. Головнев, когда утверждает, что “колонизация всегда – дорога с двусторонним движением, и со временем колонии и метрополии могут меняться ролями” (Головнев 2015: 536).

Примечания

¹ Обзор современной литературы по этому вопросу содержится во введении к специальному выпуску журнала “Сибирские исторические исследования”, посвященному “социальной жизни транспортных инфраструктур” (Швайцер и др. 2020: 8–18).

² В работах, посвященных коренному населению Приохотья, основное внимание, как правило, уделяется соседним регионам – Тугуро-Чумиканскому и Аяно-Майскому районам Хабаровского края (Тураев 2008), а также Магаданской области (Сирина 2012). Собственно Охотский район в основном изучают местные исследователи (Титорева 2015, 2017, 2022).

³ Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Хабаровскому краю. Статистический сборник. Хабаровск: Хабаровскстат, 2022. С. 7.

⁴ В отличие от ситуации 2021 г., когда доля малочисленных этносов в Охотском районе составляла почти четверть от общей численности населения, в 2010 г. она равнялась лишь 13,2% (Филиппова 2021: 10).

⁵ На сайте компании “Полиметалл”, активно работающей в Охотском районе, можно ознакомиться с ее деятельностью. Здесь вполне откровенно говорится о том, что деятельность компании осуществляется в соответствии с Кодексом корпоративного управления Великобритании. https://www.polymetalinternational.com/upload/iblock/b36/Community%20Engagement%20Policy_2020_rus.pdf

Источники и материалы

- Арсеньев* 2016 – *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М.: Эксмо, 2016.
- Афанасьева* 2001 – *Афанасьева Н.* Дело всей жизни // Охотско-эвенская правда. 18 декабря 2001 г.
- Каюр 1988 – Каюр – это профессия // Охотско-эвенская правда. 29 сентября 1988 г.
- Перминов* 2001 – *Перминов Г.* Охотско-Аянская экспедиция // Охотско-эвенская правда. 25 сентября 2001 г.
- Петров* 2010 – *Петров М.* Грузовик – хорошо, а олени не хуже // Охотско-эвенская правда. 9 февраля 2010 г.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Охотский район Хабаровского края, ноябрь 2022 г. (информанты: С.А. Алексеев, 1954 г.р.; Т.С. Трофимова, 1960 г.р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Охотский район Хабаровского края, ноябрь 2023 г. (информанты: С.А. Алексеев, 1954 г.р.; А.В. Задорожный, 1983 г.р.; А.Г. Громов, 1966 г.р.; С.Г. Михайлов, 1978 г.р.; А.А. Слепцова, 1964 г.р.).
- Сарычев* 2017 – *Сарычев Г.А.* Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Эксмо, 2017.
- Северянин рассказал... 2018 – Северянин рассказал о белых пятнах в истории Чумикана // ХКС. 28 марта 2018 г. <https://todaykhv.ru/news/society/11972>
- Федосеев* 2017 – *Федосеев Г.А.* В тисках Джугдыра. М.: Вече, 2017.

Научная литература

- Головнев А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015.
- Давыдов В.Н.* Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / Сост. и отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МЭА РАН, 2013. С. 267–280.
- Давыдов В.Н.* Практики освоения пространства эвенками Восточной Сибири: прагматическое использование антропогенного ландшафта и инфраструктуры // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 8–15.
- Дьяченко В.И., Ермолова Н.В.* Якутско-эвенкийские контакты на Охотском побережье // Этнокультурные контакты народов Сибири / Под ред. Ч.М. Таксами. Л.: Наука, 1984. С. 132–138.
- Казарян П.Л.* Первый тракт на северо-востоке России // Наука и техника в Якутии. 2006. № 2 (11). С. 50–57.
- Ковлеков С.И.* Тунгусское восстание. 1924–1925 гг. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005.
- Лебедева Ж.К.* Некоторые черты материальной и духовной культуры аркинских эвенов // Советская этнография. 1971. № 5. С. 103–107.
- Михалев М.С.* Столкновение с цивилизацией. Модернизация и традиция в судьбах жителей Чумикана // Традиционная культура. 2022. № 4. С. 150–159.
- Пекарский Э.К., Цветков В.П.* Очерки быта приаянских тунгусов. СПб.: Императорская Академия наук, 1913.
- Сирина А.А.* Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012.
- Титорева Г.Т.* Проблемы коллективизации в Охотском районе в 1930-е гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (46). С. 202–206.

- Титорева Г.Т.* Из истории колхозного строительства в Приохотье (с. Арка Охотского района Хабаровского края) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 2. С. 66–71.
- Титорева Г.Т.* Оленеводство эвенов Охотского района в 1930-е годы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. XIX. Вып. 2. С. 206–210.
- Тураев В.А.* Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008.
- Тураев В.А.* Коренные малочисленные народы в Гражданской войне на Дальнем Востоке: особенности и причины участия // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. С. 53–65.
- Федорова Т.С. и др.* (ред.) Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М.: Наука, 1984.
- Филиппова В.В.* Расселение коренных малочисленных народов сопредельных с Якутией субъектов Российской Федерации: история и современность // Genesis: Исторические исследования. 2021. № 12. С. 1–15.
- Флеров В.С.* Ликвидация Охотско-Нельканского белобандитского выступления (1924–1925 гг.) // Ученые записки Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. 1959. № 37. С. 145–162.
- Цеханская К.В.* (ред.) Колумбы земли русской: сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Книжное изд-во, 1989.
- Швайцер П.П., Поворознюк О.А., Давыдов В.Н.* Введение: особенности функционирования и антропологических исследований транспортных инфраструктур на Севере // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 8–18.

Research Article

Mikhalev, M.S. The “21st-Century Kayurs” and Indigenous Strategies of the Decolonization of Land [“Kaiury XXI veka” i indigennye strategii dekolonizatsii prostranstva]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 125–142. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050093> EDN: YDTNUR ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Maxim Mikhalev | <http://orcid.org/0000-0001-5695-6915> | maxmikhalev@yahoo.com | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia)

Keywords

colonization, decolonization, reindeer breeding, Evens, Priokhotye, knowledge exchange

Abstract

In this article, colonization is interpreted as knowledge exchange between the indigenous population and colonizers. As the result of their contacts, the latter get all necessary information about the land. That allows them to put it under control using their technical, military, and economic superiority. The recent history and current situation in the Priokhotye region of Russia show that if indigenous population in turn manages to comprehend the knowledge that colonizers bring with them, they can reverse this process. Decolonization in this case can be achieved either through more intense involvement of the local population into administration and governance, or through distancing themselves from it, coupled with distracting attention of the

authorities away from their lives. Both strategies can prove effective only if indigenous population fully understands the mechanisms of the governmental control.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 21-18-00495]

References

- Davydov, V.N. 2013. Vlast' provodnika: kaiury-evenki i ispol'zovanie olenogo transporta na Severnom Baikale [Power of the Guide: Evenk-Kayurs and Reindeer Transportation in the Northern Baikal Region]. In *Rannie formy potestarnykh sistem* [Early Types of Potestary Systems], edited by V.A. Popov, 267–280. St. Petersburg: MEA RAN.
- Davydov, V.N. 2018. Praktiki osvoeniia prostranstva evenkami Vostochnoi Sibiri: pragmaticheskoe ispol'zovanie antropogenogo landshafta i infrastruktury [The Practices of Appropriation of Space by East-Siberian Evenks: Pragmatic Use of Anthropogenic Landscape and Infrastructure]. *Kunstkamera* 1: 8–15.
- Diachenko, V.I., and N.V. Ermolova. 1984. Yakutsko-evenkiiskie kontakty na Ohotskom poberezh'e [Yakut-Evenki Contacts at the Sea of Ohotsk Coastline]. In *Etnokul'turnye kontakty narodov Sibiri* [Ethno-Cultural Contacts of Siberian Peoples], edited by C.M. Taksami, 132–138. Leningrad: Nauka.
- Fedorova, T.S., et al., eds. 1984. *Russkie ekspeditsii po izucheniiu severnoi chasti Tihogo okeana v pervoi polovine XVIII v.* [Russian Research Expeditions in Northern Pacific in the First Half of 18 Century]. Moscow: Nauka.
- Filippova, V.V. 2021. Rasselenie korennykh malochislennykh narodov sopredel'nykh s Yakutiei sub'ektov Rossiiskoi Federatsii: istoriia i sovremennost' [Distribution of Indigenous Peoples in the Neighboring Regions of Yakutia: Past and Present]. *Genesis: Istoricheskie issledovaniia* 12: 1–15.
- Flerov, V.S. 1959. Likvidatsiia Ohotsko-Nel'kansкого belobanditskogo vystupleniia (1924–1925) [Liquidation of Ohotsk-Nelkan Banditry Riot (1924–1925)]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudastvennogo universiteta imeni V.V. Kuibysheva* 37: 145–162.
- Golovnev, A.V. 2015. *Fenomen kolonizatsii* [Colonization Phenomenon]. Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAN.
- Kazarian, P.L. 2006. Pervyi trakt na severo-vostoke Rossii [The First Postal Road in Russia's North-East]. *Nauka i tekhnika v Yakutii* 2: 50–57.
- Kovlekov, S.I. 2005. *Tunguskoe vosstanie. 1924–1925* [Tungus Rebellion. 1924–1925]. Yakutsk: Izdatel'stvo YaGU.
- Lebedeva, Z.K. 1971. Nekotorye cherty materialnoi i duhovnoi kultury arkinskikh evenov [Some Features of Material and Spiritual Culture of Arka's Evens]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 103–107.
- Mihalev, M.S. 2022. Stolknovenie s tsivilizatsiei. Modernizatsiia i traditsiia v sud'bah zhitelei Chumikana [The Clash with Civilization: Modernisation and Tradition in the Lives of Chumikan Inhabitants]. *Traditsionnaia kultura* 4: 150–159.
- Pekarskii, E.K., and V.P. Tsvetkov. 1913. *Ocherki byta priaianskikh tungusov* [Essays of the Lives of Ajan Tungus]. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk.
- Schweitzer, P.P., O.A. Povorozniuk, and V.N. Davydov. 2020. Vvedenie: osobennosti funktsionirovaniia i antropologicheskikh issledovaniia transportnykh infrastruktur na Severe [Introduction: Characteristics of Anthropological Research and Operation of Transport Infrastructures in the North]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 3: 8–18.
- Sirina, A.A. 2012. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenks and Evens in the Contemporary

- World: Self-Consciousness, Nature Management and Worldview]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Titoreva, G.T. 2015. Problemy kollektivizatsii v Ohotskom raione v 1930-e gg. [The Problems of Collectivization in Ohotsk District in 1930s]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* 2 (46): 202–206.
- Titoreva, G.T. 2017. Iz istorii kolhoznoho stroitelstva v Priohot'e (Arka Ohotskogo raiona Habarovskogo kraia) [History of Collective Farms Creation in Priohot'e (Arka Village of Ohotsk District in Habarovsk Region)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* XIV (2): 66–71.
- Titoreva, G.T. 2022. Olenevodstvo evenov Ohotskogo raiona v 1930-e gody [Reindeer Keeping among Evens in Ohotsk District in 1930s]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* XIX (2): 206–210.
- Tsehanskaia, K.V., ed. 1989. *Kolumby zemli russkoi: sbornik dokumental'nykh opisaniy ob otkrytiiah i izuchenii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Severa v XVII–XVIII vekakh* [Russian Columbuses: A Collection of Documentary Descriptions of the Discoveries and Research in Siberia, Far East and the North in 17–18 Centuries]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
- Turaev, V.A. 2008. *Dal'nevostochnye evenki: etnokul'turnye i etnosotsial'nye protsessy v XX veke* [Far-Eastern Evenks: Ethno-Cultural and Ethno-Social Processes in the 20 Century]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Turaev, V.A. 2018. Korennye malochislennye narody v Grazhdanskoi voine na Dal'nem Vostoke: osobennosti i prichiny uchastiia [National Minorities in the Civil War in the Far East: Peculiarities and Reasons for Participation]. *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii DVO RAN* 19: 53–65.